

которая является неизбежным и обязательным фактором социализации, развития и деятельности в качестве определённого субъекта социальной стратификации общества [8], постмодерн делает личность носителем идей и ценностей своего «альма-матер» – «цивилизованного, культурного запада». Но понятие информационной среды и информации как таковой имеет гораздо более широкие рамки понимания, нежели в контексте бытийного знания как «сообщение» и «данные», за которые так ловко «зацепился» постмодерн, сделав видимым только этот контекст. Широта осмысления этих феноменов является важным исходным пунктом в механизме социализации, так как от этого зависит определение и закрепление границ пространства, в которых личность самоопределяется, а происходит это не только в так любимом постмодерном и в целом информационным обществом объективном мире. Там оно уже только проявляется. А вся работа по управлению безликой постмодернистской толпой ведётся психотехнологами исключительно в пространствах «Субъективное Мы» и «Субъективное Я», которых для обычного человека – члена информационного общества попросту не существует.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Bauman Z.* Intimations of Postmodernity. London: Routledge, 1992.
2. *Lyotard J.-F.* The Postmodern Condition. – Manchester, 1984. – P. 76.
3. *Бодрийяр Ж.* «В тени молчаливого большинства, или Конец социального»: Editions DENOEL, 1982; Екатеринбург; 2000;
4. *Ильин И.П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М.: Интрада, 1998. – 255 с.
5. *Эпштейн М.* Постмодерн в России: Литература и теория. – М.: Изд. Р. Элинина, 2000. – С. 54-75.
6. *Фадеев В.* Истерически возвышенный постмодерн. <http://expert.ru/expert/2012/02/istericheski-vozvyishennyj-postmodern/>.
7. *Крылова И.В., Непомнящий А.В.* Представления об информации и их роль в процессе социализации личности. Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – Ростов-на-Дону: Изд-во ПИ ЮФУ, 2011. – № 9. – 220 с.
8. *Тавокин Е.П.* Личность в информационном пространстве России. <http://tavokin.ru/личность/>.

Статью рекомендовал к опубликованию д.псих.н.. профессор И.А. Кибальченко.

Крылова Ирина Вячеславовна – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»; e-mail: iren_888@mail.ru , 347922, г. Таганрог, ул. Чехова, 2; тел.: 88634312016; кафедра истории и философии; аспирантка.

Krylova Irina – Federal State-Owned Educational Autonomy Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”; e-mail: iren_888@mail.ru; 2, Chehova street, Taganrog, 347922, Russia; phone: +78634312016; the department of a history and philosophy; postgraduate student.

УДК 159.95

Д.К. Куликов

КОНСТРУКТИВИЗМ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ: АНАЛИЗ И КРИТИКА ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ

Статья посвящена критическому анализу и оценке конструктивизма в современной психологии. Раскрыты основные положения этого направления в области психологии познавательных процессов. Рассматривается проблема истоков и предшественников конструктивизма, охарактеризованы его эпистемологические принципы. Анализируются теоретические

противоречия этого направления, и обоснована непоследовательность и неправомерность сближения конструктивизма с теориями Ж. Пиаже и культурно-исторической психологией (Л.С. Выготский). Также показана культурная и историческая основа субъектной модели человека, предлагаемой конструктивизмом.

Конструктивизм; эпистемология; теория отражения; познавательные процессы; восприятие; мышление; аутопоэз; релятивизм.

D.K. Kulikov

CONSTRUCTIVISM AND COGNITIVE PSYCHOLOGY: ANALYSIS AND CRITIQUE OF MAJOR PROPOSITIONS

The article is devoted to critical analysis and evaluation of constructivism in contemporary psychology. The main principles of this trend in psychological approach to cognitive processes are revealed. The problem of the origins and precursors of constructivism is discussed, and its epistemological principles are described. The theoretical contradictions of this trend are analyzed and inconsistency and illegality of convergence of constructivism with the theories of J. Piaget and cultural-historical psychology (L.S. Vygotsky) is proved. The cultural and historical basis of human subject model proposed by constructivism is also shown.

Constructivism; epistemology; the theory of representation; cognitive processes; perception; thinking; autopoiesis; relativism.

Конструктивизм – это новейшее направление в эпистемологии, психологии и обществознании, представители которого последовательно проводят принципы субъективизма в познании. Конструктивизм претендует на статус новейшей парадигмы в области гуманитарных наук и образования, хотя как единая и целостная теория конструктивизм пока не сложился [1, р. 1]. Обсуждение его положений ведется больше на методологическом поле философии и эпистемологии, нежели внутри собственной структуры психологического знания. Конструктивизм принимают как ряд концепций в психологии и психотерапии, социологии, политических науках, педагогике, указывая ряд общих принципов и идей.

Конструктивизм вначале нашел применение в *психотерапии*. В 1955 вышла в свет книга Д. Келли «Психология личностных конструктов» [2]. В ней автор исходил из простого тезиса: «Человек смотрит на свой мир сквозь прозрачные модели или шаблоны, которые он сам создает и пытается затем подогнать под факты (realities), из которых слагается этот мир. Такая подгонка не всегда оказывается очень удачной. Однако без таких моделей мир предстает такой недифференцированной однородностью, что человек оказывается не в состоянии извлечь из него никакого смысла. Поэтому даже плохая подгонка моделей оказывается полезней для человека, чем их отсутствие» [2, р. 8-9]. Терапевтическая задача заключается, соответственно, в том, чтобы предложить человеку изменить модели в направлении более эффективного, адаптивного усвоения. Пациента просят принять повседневную социальную роль, отличную от привычной ему. Действуя в экспериментальных условиях, человек не переживает нарушений самости, однако благодаря такому освоению роли он может интегрировать способы поведения внутрь своей личности.

Позднее другой психотерапевт – П. Ватцлавик – сформулировал принцип плюрализма в истолковании понятия «реальность»: не существует *единой реальности*, но необходимо придерживаться точки зрения *множества различных версий реальности*. Даже если «реальность первого порядка» (т.е. реальность как совокупность своих физических свойств) может рассматриваться как существующая вне субъективного значения, то все прочие точки зрения, типичные для психического отражения (смыслы и ценности), остаются именно субъективными проекциями, условностями и конструкциями, которые «живут» по ту сторону истины в классическом понимании (т.е. признания реальности и ее объективных законов вне

сознания). Это «реальность второго порядка», с которой и работает психиатр [3]. Терапия должна ориентироваться на выработку жизненно пригодной «реальности», но не более [4].

Вопрос о *предшественниках конструктивизма* в психологии остается неоднозначным. По некоторым оценкам истоки этого направления восходят к трудам Г. Гельмгольца, Р. Грегори, И. Рока и Ж. Пиаже. Основанием здесь является признание этими авторами функциональной роли субъективных процедур, задействованных при построении психического образа (бессознательных умозаключений, перцептивных гипотез, интеллектуальных операций и пр.). В отдельных трактовках предлагается рассматривать в качестве основоположников и Л.С. Выготского, и широкий спектр субъективистских теории социально-психологического характера, например, феноменологическую социологию А. Шюца или социальный конструкционизм П. Бергера и Т. Лукмана [5]. Эпистемологическая основа конструктивизма разработана Эрнстом фон Глазерсфельдом. У. Матурана и Ф. Варела предлагают нейробиологическую теорию познания.

Общей чертой конструктивизма является утверждение, согласно которому люди активно строят и конструируют знание о мире и друг друге. Это положение претендует на свою применимость, как к уровню восприятия, так и к процессам более высокого порядка – мышлению и решению задач [4, р. 277]. Конструктивизм Глазерсфельда, Матураны и Варелы определяется как «радикальный конструктивизм», определение которому мы находим у самого Глазерсфельда: *радикальный конструктивизм* – это, во-первых, «неклассический подход к вопросам знания и познания», во-вторых, признание того, что «знание, независимо от того, как его определять, существует в индивидуальных головах», в-третьих, «субъект мышления не имеет другой альтернативы, кроме как конструировать свое знание на базе собственного опыта» [6, р. 1]. При этом особо подчеркивается, что процесс конструирования мира является произвольным и неосознаваемым для самого человека, поэтому он не становится объектом социального и познавательного внимания [7, с. 75].

Основной эпистемологический тезис радикального конструктивизма признает *знание* субъективным конструктом и отвергает принцип *отражения или изображения* объективного мира в процессе познания. Реальность, существующая вне сознания субъекта, объявляется фикцией и продуктом *веры* в объективность мира. На деле же, как считают конструктивисты, *индивидуальное сознание единичного организма* – это *единственная реальность*. Такая крайность имеет в философии определение – солипсизм. Более мягкая форма конструктивизма – «*тривиальный конструктивизм*» [8] – допускает *существование внешнего мира*, однако отрицает возможность его репрезентации в сознании, признавая *любое содержание сознания субъективным конструктом*.

Разрабатывая теорию аутопоэза, чилийские нейробиологи Умберто Матурана и Франциско Варела исходили из того, что познание следует понимать не как репрезентацию мира, но как непрерывный процесс сотворения мира самой жизнью. Жизнь, по их мнению, – это множество автономных организмов, каждый из которых есть закрытая самосоздающаяся и самоорганизующаяся (аутопоэзная) система. Восприятие мира – это всего лишь опыт собственных реакций. Внешне это напоминает закон специфических энергий И. Мюллера, однако теперь речь идет о том, что отдельный организм обладает характерными для него реакциями, хотя в другом отношении он оказывается абсолютно нечувствительным к каким-либо стимулам.

Тем не менее, обсуждение ключевых вопросов познания не позволяет конструктивистам избежать формулировки ряда гносеологических предпосылок. Так, относительно *процессов перцепции* конструктивизм занимает позицию, антаго-

стическую теории прямого восприятия, возвращаясь, по сути, к теории Д. Беркли и отрицая при этом познавательную ценность чувственного образа. В пике перспективам экологического подхода Д. Гибсона здесь отвергается объяснение восприятия как извлечения информации из ретинального стимула. Мир трехмерный, но проксимальный стимул двухмерный. Ретинальный образ всегда многозначен и как проекция он может соответствовать различным конфигурациям дистального стимула. Следовательно, эта информация должна быть дополнена контекстуальной информацией, снимающей неоднозначность стимула с точки зрения определенного значения. Контекстуальность значения рассматривается конструктивизмом в двух аспектах: 1) как представление о действующих в мире механизмах, обеспеченное характером самих органов чувств, развившихся эволюционно; 2) как знание об относительной вероятности событий, отражающее прошлый опыт. Соответственно, *перцептивный процесс – это конструирование такой репрезентации мира, которая была бы одновременно совместима с контекстуальным знанием и ретинальным входом* [10, р. 996].

В теории Матураны и Варелы восприятие рассматривается как продукт *чувственной данности внешнего мира*, наблюдения. Предметная же сторона восприятия, которая в психологии обычно трактуется как результат опосредствования перцептивного процесса *памятью, воображением и мышлением*, оказывается у них формой искажения опыта. Несовершенство органов чувств рассматривается как критерий недостоверности самого перцепта. Человек в теории Матураны и Варелы осознает лишь то, что открылось в системе нервных импульсов, и представит гомункулусом, замкнутым в темнице собственной нервной системы. Сия замкнутость даже двойная («второго порядка»), поскольку нервная система не оперирует образами внешнего мира, но координирует сенсорные и моторные функции организма [9, с. 143].

Такой подход неизбежно оборачивается редукцией познания к памяти. Но и *память*, с точки зрения конструктивизма, нельзя понимать как репрезентацию внешнего опыта, относимого к прошлому. Сохранение и воспроизведение всегда есть конструирование и реконструирование памяти. «Вспомнить» значит реконструировать прошлое в свете понимания настоящего [4, р. 277].

Что же представляет собой процесс конструирования реальности, есть ли в нем самом закономерность? Классическая психология разделяла чувственное и рациональное познание, где эмпирические данные ощущения, фиксирующие внешний мир, обрабатывались и организовались мышлением, обеспечивающим расчлененный и систематизированный образ действительности. В концепции Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и др. мышление понималось как абстрактно-логический способ опосредствованного отражения, реорганизуемый непосредственность чувственного отражения и формирующий произвольные функции восприятия, внимания, памяти и воображения. Мыслящий уровень сознания – это, прежде всего, продукт специфически организованного взаимодействия человека с миром: производительного труда, общения, саморазвития личности.

Мышление как таковое или не рассматривается конструктивистами, или редуцируется к принципу обработки информации. Х. фон Ферстер попытался сформулировать «проблему мышления» с приемлемой для конструктивизма позиции: мышление – это когнитивность, а *когнитивность – это процесс вычисления (computing) реальности* [11, с. 170]. При этом значение термина «вычисление» Ферстер возводит к его латинской этимологии *com-putare* – «рассматриванию, созерцанию вещей в их взаимодействии» [11, с. 170-171]. Поскольку такое «вычисление» становится широко понимаемым процессом оперирования некоторым эмпирическим содержанием, в том числе символическим, Ферстер уточняет свое определение: *когнитивность – это вычисление описаний реальности* [11, с. 171]. Тем самым

само понятие реальности становится излишним и можно говорить о рекурсивных, постоянно надстраивающихся процессах описания описаний и их вычислениях.

Согласно конструктивистам, как процесс координированного описания описаний функционирует язык. Язык не сообщает и не передает индивидам внешнюю информацию [9, с. 173], но координирует поведение. Мир раскрывается нам соответственно нашим его описаниям совместно с другими. Мир есть, но лишь в форме, нами сотворенной. Рефлексия познания – это описание описаний мира (рекурсия) [9, с. 213]. Общее в нашем познавательном образе мира определено общностью биологических корней. Все остальное – различия, порожденные культурами.

В связи с этим возникает вопрос: для чего конструктивистами удерживается гносеологическая терминология? Прежде всего, для того, чтобы истолковать познание в новом свете, свести его к упорядочению внутреннего мира субъекта, каким бы он ни был. Но также для того, чтобы описать его, так сказать, изнутри самой конструкции. Для этого используются механизмы *языковой категоризации* и *логики различения*. Язык упорядочивает конструкцию, различие определяет грани и границы возникающих форм. «Я», «субъект», «объект» – это примеры конструкций, онтологических фикций, однако они – инструментальные различения, вне которых нет ничего онтологически объективного [12, с. 25]. Конструктивизм абсолютизирует модель мира как становления – потока, в котором дано самодостаточное различение и ничего более.

Современному конструктивизму близки принципы, развитые в XX веке прагматистом Д. Дьюи и операционалистом П. Бриджменом. Справедлива оценка конструктивизма, связывающая его возникновение с традицией эпистемологического недоверия к опыту, восходящей к философии Д. Юма и кантовскому *дуализму мира вещей-в-себе* и сконструированного априорными формами рассудочной деятельности *мира явлений*. Эта традиция в XX веке была поддержана аналитической философией и всеми версиями постпозитивизма, согласно которым научные представления о мире, картина мира – это продукт конвенциональных или логических операций по структурированию нашего опыта, его упрощению [13, с. 67], [14]. Следует также обратить внимание на прямую связь конструктивизма с *эпистемологией постмодернизма*, в которой единая система мышления, объективно отражающая мировое целое, невозможна.

Э. фон Глазерсфельд возводит принципы конструктивизма к генетической эпистемологии Ж. Пиаже, категорично заявив, что принцип радикального конструктивизма всецело совпадает с позицией женевого психолога, выраженной в его тезисе: «L'intelligence... organise le monde en s'organisant elle-même» («Разум... организует мир в процессе организации самого себя») [7, с. 82]. Однако многие факты позволяют заключить о необоснованности и тенденциозности такого сближения.

Пиаже, без сомнения, признает существование реального мира и его объектов. Процесс конструирования реальности, о котором он говорит, описывается им в репрезентативном ключе, т.е. как построение образа внешней реальности в сознании с помощью интеллектуальных операций, которые исходно были предметными действиями. В работах Пиаже содержится та мысль, что интерпретация объекта ребенком определяется не только наличием усвоенных схем, но также действием феноменальной доступности этого объекта. Фон Глазерсфельд это настойчиво отрицает, полагая, что ребенок, по Пиаже, взаимодействует с собственными когнитивными конструктами, созданными ранее [14, р. 843], [15].

Такая оценка Пиаже как предшественника конструктивизма, как видно, страдает односторонностью. Заимствование *биологического определения интеллекта* как формы адаптации и равновесия операциональных структур субъекта оставляет в стороне ло-

гическое определение, в котором Пиаже подчеркивает познавательный и практический характер интеллектуальных операций. Безусловно, в эпистемологических работах Пиаже содержится определенный момент скептицизма относительно достоверности знания. Однако решение этого вопроса у него вполне укладывается в принцип соотношения абсолютной и относительной истины в познании [16, с. 153]. Биологизация познания, в некоторых моментах напоминающая классический бихевиоризм, есть характерная черта радикального конструктивизма и выраженная односторонность его трактовок познания. Конечно, нельзя утверждать, что эпистемология конструктивизма полностью солипсична. В определенной степени здесь признается существование объекта вне сознания. Другое дело, что знание о нем представляет собой субъективный конструкт, который можно оценивать по шкале большей или меньшей адекватности, используя *прагматический критерий истины как пригодности*.

Противоречия конструктивизма многочисленны и навязчивы. Прежде всего, это недостатки логического порядка на уровне здравого смысла. Сводим ли мы «знание» к индивидуальному опыту личности, или представляем его как социальный конструкт, остается вопрос: *почему и как* возможны разные или противоречивые точки зрения? Представители данного направления не ставят вопроса о рефлексии этой множественности. Мартинез-Делгадо обнаруживает три противоречия внутри теории фон Глазерсфельда: 1) использование понятия «поток опыта»; 2) признание, соответственно, в каком-либо смысле дуализма субъекта и мира его опыта; 3) допущение социального мира «других» индивидов [14, р. 842].

В работах конструктивистов в глаза бросается явное несоответствие их субъективистских установок и категориальной структуры их аргументации. Так, отрицая причинную связь между внешним миром и организмом, радикальный конструктивизм постоянно указывает на внешнее и внутреннее опосредствование, а также генезис различных явлений внутри организма [13, с. 73-75]. Матурана и Варела описывают аутопоэз и аутопоэзные системы вполне объективным языком, используя термины «пространственная граница», «молекулярные связи», «превращение», «метаболизм», «взаимодействие» и пр. [9, с. 40-41; 67]. Полагая, что нервная система обеспечивает организму сенсомоторную корреляцию, Матурана и Варела признают *детерминацию* внутри аутопоэзной системы. Почему при этом отрицается внешняя причинная детерминация, остается загадкой.

Мартинез-Делгадо пронизательно отметил: неясно, «почему допущение потребности конструировать «других» как внешних объектов ограничено людьми и не включает другие организмы или физические предметы» [14, р. 845]. С одной стороны, объявляется закрытость организмов или самодостаточность индивидуальных сознаний, с другой стороны язык признается главной опорой социальной реальности [1, р. 12]. Уже сам факт существования языка и его координирующих функций указывает на наличие объективной структуры, образованной взаимодействием его носителей. Общение людей опосредствовано *потребностью* в приведении действий индивидов к адекватности внешней им реальности. Однако вопрос о приобретении языком своих функций не ставится. Язык признается в конструктивизме субстанцией знания, однако эта субстанция трактуется как культурно и социально гетерогенная и плюральная. Социализирующее действие языка, по мысли конструктивистов, есть лишь продукт сконструированного представления старшего поколения о том, что считать реальностью и как о ней говорить.

Д.Р. Джилан предложил два измерения для оценки различных конструктивистских теорий: по оси «объективизм–релятивизм» и по оси «личность–общество» [14, р. 841]. Остается открытым вопрос, можно ли считать конструктивизмом в психологии ту линию, по которой сохраняется принцип реализма, т.е. признание

существования объекта вне сознания. Очевидно одно: конструктивизм стремится устранить основную функцию познания – отделение истинных знаний от заблуждений, размыть различие между несистематизированным мышлением обыденного сознания и научным теоретическим мышлением.

А.М. Улановский – один из подвижников конструктивизма в отечественной психологии, частично показал его связь с развитием методологии гуманитарных наук [17]. Он стоит на той точке зрения, что конструктивизм рассматривается как *альтернатива позитивистской ориентации* в науке [17, с. 29]. В эпистемологическом плане это *противоположность реализма и релятивизма*. Опора на релятивистическую онтологию является путеводной нитью в отыскании конструктивизмом своих исторических и методологических опор. Сознание, с точки зрения конструктивизма, есть структурирующая сила, через действие которой человеку дан мир. При этом отбрасывание принципа отражения ведет к смешению воображения и воображаемого, восприятия и воспринимаемого, слова и предмета и т.д. Справедливо было замечено, что *воображение* здесь открывает в любой вещи или событии набор возможностей и перспектив видения и будто не встречает никакого сопротивления реальности в ходе ее свободного конструирования [12, с. 8]. Однако ощутима разница между сознанием, которое структурирует не бытие вообще, но *отражение бытия* в восприятии, воображении, мысли, и самим *отражаемым бытием*, структурирование которого требует от человека материальной деятельности.

Если язык – это конструктивная сила, то тем более сознанию необходимо ориентироваться на *исходное различие* слова и данной в слове предметности. Неправомерно считать аргументом в пользу конструктивизма тезисное положение Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева о значении слова как единстве общения и обобщения [18]. В нем, прежде всего, подчеркивается *принцип развития значений*, при этом в направлении их объективности. Насколько глубоко охвачена действительность, по поводу которой люди вступают в общение, настолько объективны формы их представлений, их сознание, их обобщения. Первично обобщение в действии и общественное освоение предмета, благодаря чему предмет охватывается также и словом. Поэтому для эпистемологии адекватен вопрос: *какова зависимость между формами общения и характером конкретных представлений человека, степенью объективности его знания?*

Конструктивизм – это теоретическая форма мышления, рефлексиирующего в условиях распада идеологических и социальных опор мировоззрения. Интересен субъект, на котором конструктивизм строит свою психологическую перспективу. Им является человек современного общества, взятый, с одной стороны, как *единичный субъект* языка, культуры и деятельности, а с другой стороны, – как *абстрактный образ индивидуума*, живущего на пересечении экономических и политических векторов социального становления. Конструктивизм – это создание определенной *модели субъекта*, который рассматривается как *метафизическое начало* особой онтологии, в которой мир есть порождение индивидуального сознания.

Обращает на себя внимание проблема отношения письменной культуры, науки и образования как институтов воспитания и производства личности. Культурная функция письма связана с *рационализацией социальных отношений и сознания*. В бесписьменных обществах субъект формируется через синтез голоса и предметного действия. Здесь доминируют эмоциональное воображение, самовнушение, перцептивное обобщение. Предметность раскрыта такому сознанию ограниченно – по контуру обрядовой, профессиональной и бытовой компетенции. Выделение изнутри традиционного общества культурной элиты вместе с ее универсальной познавательной мотивацией – это сложнейший вопрос, до сих пор недостаточно изученный. Однако очевидно, что элита закрепила за собой систематическую работу с языком и духовными средствами воспитания.

Ж. Деррида, указавший возможные пределы культурной функции письма, намекал на гибель эпохальной формы общественного сознания и традиции, которая опирается на письменный текст-программу. Современная научная форма этой традиции (галилеевская) – экспериментальное и теоретическое разграничение истинного знания, с одной стороны, и значимости представления, могущего быть заблуждением, с другой [19, р. 337]. Но если прав Деррида, указывая, что метафизическая традиция Запада характеризуется сокрытием сущности письма, то в не меньшей степени это справедливо и для стремления избежать постановки вопроса об исконной психологической функции голоса и устной речи.

Сегодня возник субъект, живущий внутри многоканального медиа-пространства. Пред ним доминирует не письменный текст (он скрыт внутри программной оболочки), а звукоряд, синтезированный с видеорядом. В Интернете письменный текст задан, но каковы средние значения его воздействия на восприятие при формировании представления – неизвестно. Множество каналов порождает мультипликацию образов сознания как проектов «моей» реальности вне предметно-практического взаимодействия с ней.

Не удивительно, что классическая школа, явно или нет, объявляется инструментом авторитарного воспитания личности определенного типа. Пока школа была единственным культурным каналом начального приобщения к теоретическому и систематизированному знанию вообще, в ней не видели проблемы. Часто забывается, что школа – это не просто механизм трансляции знаний, но и среда формирования мышления. Меньше всего конструктивизм стремится обсуждать вопросы теоретического мышления и его уровней. Заслуживают внимания выводы, сделанные в результате одного педагогического опыта: принципы конструктивизма в образовании являются возвратом к доренессансной ментальности, где теология заменена психологием [19, р. 340].

Начав с психиатрии и психологии развития, представители конструктивизма перестали дифференцировать познавательные функции мышления. Непознавательное отношение личности к миру становится основным ключом к пониманию ее сознания. Мышлению как специфической познавательной функции здесь негде развернуться, поскольку единственный выход за пределы перцептивной непосредственности сознания у конструктивистов – это сворачивание сознания в память или фантазию воображения. Поскольку этот принцип в психологии и философии уже проделал свой путь в сторону иррационализма и агностицизма, то от современных версий конструктивизма можно ожидать решительного союза с антирационалистической и антинаучной тенденцией в познании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Raskin J.D. Constructivism in psychology: Personal construct psychology, radical constructivism, and social constructionism // J.D. Raskin, S.K. Bridges (Eds.). Studies in meaning: Exploring constructivist psychology. – N.Y.: Pace University Press, 2002. – P. 1-25.
2. Kelly G. The Psychology of Personal Constructs, Vol. 1. – N.Y.: Norton, 1955. – xviii+556 p.
3. Ватцлавик П. Адаптация к действительности или адаптированная «реальность»? Конструктивизм и психотерапия // Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. München: Erscheinungsjahr, 2000. – 332 с.
4. Cobb P. Constructivism // Encyclopedia of Psychology. – W., D.C.: 2000. – Vol. 3. – P. 277-279.
5. Улановский А.М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. – 2009. – № 2. – С. 35-45.
6. Glasersfeld E. von. Radical Constructivism: A way of knowing and learning. – L.: Falmer Press, 1995. – 213 p.
7. Глазерсфельд Э. фон. Введение в радикальный конструктивизм // Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. München: Erscheinungsjahr, 2000. – 332 с.

8. *Dell P.F.* Review of “The Invented Reality: How Do We Know What We Believe We Know? (Contributions to Constructivism)” By Paul Watzlawick (Ed.), – N.Y.: W.W. Norton & Co., 1984 // *Family Process*. – 1985. – № 24. – P. 281-296.
9. *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания: Пер. с англ. Ю.А. Данилова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
10. *Rogers S., Epstein W.* Theoretical Approaches // *E.B. Goldstein* (Ed.). *Encyclopedia of Perception*. – L.A.: SAGE Publications, Inc., 2010. – P. 994-999.
11. *Ферстер Х. фон.* О конструировании реальности // *Цоколов С.* Дискурс радикального конструктивизма. München: Erscheinungsjahr, 2000. – 332 с.
12. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы «круглого стола») // *Вопросы философии*. – 2008. – № 3. – С. 3-37.
13. *Режабек Е.Я.* Радикальный конструктивизм: критический взгляд // *Вопросы философии*. – 2006. – № 8. – С. 67-77.
14. *Martínez-Delgado A.* Radical constructivism: Between realism and solipsism // *Science Education*. – 2002. – Vol. 86, № 6. – P. 840-855.
15. *Glaserfeld E. von.* An Interpretation of Piaget’s Constructivism // *Revue Internationale de Philosophie*. – 1982. – Vol. 36, № 4. – P. 612-635.
16. *Пиаже Ж.* Генетическая эпистемология. Пер. с франц. М. Малеевой. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – 160 с.
17. *Улановский А.М.* Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии // *Вопросы психологии*. – 2006. – № 3. – С. 27-37.
18. *Петренко В.Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // *Психологический журнал*. – 2002. – № 3. – С. 113-121.
19. *Meyer D.L.* The Poverty of Constructivism // *Educational Philosophy and Theory*. – 2009. – Vol. 41, № 3. – P. 332-341.

Статью рекомендовала к опубликованию д.п.н., профессор Е.Н. Каменская.

Куликов Дмитрий Константинович – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»; e-mail: kuldk@mail.ru; 347922, г. Таганрог, ул. Чехова, 2; тел.: 88634312016; кафедра психологии и безопасности жизнедеятельности; доцент.

Kulikov Dmitrii Konstantinovich – Federal State-Owned Educational Autonomy Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”; e-mail: kuldk@mail.ru; 2, Chehova street, Taganrog, 347922, Russia; phone: +78634312016; the department of psychology and safety of Existence; associate professor.

УДК 159.923.2

Ж.Г. Куповых

К ПРОБЛЕМЕ ДЕФОРМАЦИИ «ОБРАЗА Я» ПОДРОСТКОВ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИ ЗАВИСИМЫХ ОТ РОДИТЕЛЕЙ

Проведён последовательный анализ проблемы деформации «Образа Я» подростков, психологически зависимых от родителей. Показано, что неустойчивый позитивный «Образ Я» является предпосылкой психологической зависимости от родителей. В свою очередь, психологическая зависимость от родителей, в процессе возрастного развития, становится предпосылкой деформации «Образа Я». Психологическая зависимость от родителей является неадаптивной защитной стратегией «Образа Я», отражаясь в деформации когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов «Образа Я», а так же Актуального Я, Динамического Я, Идеального Я, а так же в формировании Фальшивого Я в структуре «Образа Я» подростков, психологически зависимых от родителей.

Психологическая зависимость от родителей; «Образ Я»; деформация; защитные стратегии личности; самооценка.